

Глава 1

*Родина моих родителей. Моя родина: Орловка, Сухо-Ерша
(Дзержинский район)*

Если бы каждый человек понимал и осознавал, какое счастье — родиться и жить на планете! Сибирь. Зима. Январское утро, Семь часов. Вся деревня Орловка Дзержинского района Красноярского края под белым снегом.

Брат Леонид (ему восемь лет) и старшая сестра Валя (ей девятнадцать лет) на тёплой русской печке уже не спят. Ждут. Мама — ей сорок лет — разрешилась девочкой. Так появилась на этом свете я. Назвали Раей. Сестра просила папу зарегистрировать меня Лилей. Но слова «рай», «райское яблочко» из Библии победили.

Шёл 1948 год, двадцать первое января. Мама Анастасия Васильевна Нахаева (1908 года рождения) — домохозяйка, папа Прокопий Михайлович Иванов (1910 года рождения) — начальник местной почты. И жили мы в доме, где размещалась эта почта и где я и родилась. Красивый длинный дом из брёвен, посередине крыльцо, окна с голубыми ставнями. Одна половина была служебным помещением, другая — наша, жилая. Деревня состоит всего из трёх улиц. По центральной улице, где была почта, шёл тракт на Иркутск. Деревню окружали леса.

Вспоминая о моей родной деревне, тут же приходят на ум строки классика:

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит...

*(«Зимняя дорога», любимый
мой поэт А. С. Пушкин)*

Почему название у деревни — именно Орловка? Много было в ней людей-переселенцев в тридцатые годы из города Орла и Смоленской области.

Я и брат родились в Орловке, а остальные родственники и родители — из деревни Шапки и деревни Ракитня Смоленской области.

«Я люблю тебя, Россия, дорогая наша Русь...» — поёт народная артистка России Екатерина Шаврина. И я с ней полностью солидарна.

Мама и папа говорили всегда, что они приехали из России в Сибирь. Россией они называли свою родину — Смоленскую область. А переезжали тогда в Сибирь, в тридцатые, голодные для страны годы, по собственной инициативе.

Когда о чём-то вспоминали, высказывались примерно так: «Когда мы жили в России...» Мы, дети и внуки мамыны, так не говорили. Для нас дальние и ближние уголки Родины — это всё и есть Россия.

Первым в деревню Сухо-Ерша, что в пятидесяти пяти километрах от Канска Красноярского края, в тридцатые годы переехал близкий родственник моего любимого дедушки Василия Демидовича Нахаева — дед Максим.

Сохранилось письмо-треугольник (конвертов ещё не было), написанное дедушкиной рукой, да ещё химическим карандашом (мочили слюной), уже из деревни Сухо-Ерши в Смоленскую область к моей бабушке Елизавете Филипповне (жена деда) и маме — она была старшей из шестерых детей.

Дедушка приехал в Сибирь посмотреть, что за местность, и делится в своём письме впечатлениями: «Лес стоит кругом красивый, бьют ключи, грибы, ягоды растут. Земли дают много. Люди добрые, в основном из России. Еду за вами».

...Переехали. Подробностей не знаю. Только есть общая фотография из Шапков многих родственников. На ней и дедушкин родственник Нахаев — прокурор. В честь его назван в Смоленской области Нахаевский район.

Мамаины родители начали в деревне строить дом из двух «хаток», небольшие сенцы, в которых хранились бочка с салом и вкусной шкурочкой, кадка с огурцами хрустящими, солёной капустой и всегда стоял бочонок с квасом. Причём это всё стояло на земле, задёрнутое шторкой до пола, а другая часть — с полом деревянным, не покрашенным. С него веником-голиком грязь отмывали, а летом устилали берёзовыми ветками. Во всех углах размещались пучки разных трав: запах!!! — как в лесу.

Обзавелись коровой, овцами, курочками и поросёнком. Собачки никогда не было. Был большой огород — шестьдесят соток — под картошку, в конце огорода сеяли табак — дедушка из газет крутил самокрутки со своим табачком, ещё так называемый «огородчик» — четыре соточки — под овощи. Замечу

по ходу, что ни одной травинки-сорняка. А вот у деда Максима рядом — всегда заросший сорняками участок, но люди они были очень хорошие, добрые.

Помогали все друг другу, зимой играли в карты, коротали вечера за самоваром. Дедушка построил баньку по-чёрному, с большим чугунным котлом, с полком — на нём парились берёзовыми вениками, на полу стояла деревянная ёмкость со щёлочью, для того чтобы мыть голову, так как вода была жёсткой. Приносили же воду из Максимова колодца на коромысле по два ведра. Уже в мои детские годы, помню, у бабушки была коляска с флягой. Но я помогала и носила на коромысле по половине ведра воды. Любила возиться у колодца.

Во дворе был выстроен большой амбар, часть его занимали под сено. Стоял там и большой сундук с мукой и большим ситом. Бабушка пекла очень вкусный хлеб — круглый, тёмный и светлый.

В амбаре также находились чемоданы с письмами, какими-то бумагами, старые вещи, черепки, прялка, игрушки старые. Тогда я даже не притрагивалась к этим вещам, а ведь там были и письма с фронта, и из Смоленской области, и

Мои родственники. Смоленская область, 1929 год.

Первый ряд, вторая слева: мама держит сестру.

Второй ряд, первый слева: мамин первый супруг Ершов

старые фотографии... Мало что сохранилось... Если бы это всё вернуть. Вернуть время, всех и всё... Я думала в детстве, что так хорошо будет всегда. Жаль, что время всё меняет...

В эти времена мама с папой и сестрой (меня и брата ещё нет) вначале живут в Орловке, в двадцати пяти километрах от Сухо-Ерши. Пешком ходят к родственникам в гости.

В 1940 году родился Лёня, мой любимый брат. А в 1941 году началась война. Папу и всех молодых мужчин призывают в армию, пункт сбора — в селе Дзержинск.

Мама вспоминала, как несла на руках годовалого Лёню, да ещё с вещами, шла с сестрой Валею и с кем-то ещё. Шли по Дзержинскому тракту в деревню к бабушке. Война, горе, слёзы, да ещё призывали на фронт и троих братьев маминых, у которых были уже тоже маленькие дети. Шли, надеялись хоть немного побыть вместе до их отправки на фронт.

И вдруг по дороге из Дзержинска (а они отошли на пять километров) едет машина, а в ней мужчины, и папа кричит: «Настя, береги детей». Машина ехала в Канск, чтобы отправлять мужчин на фронт.

К счастью, мой папа вернулся, когда закончилась война. А вот — горе нам всем — не вернулись с войны трое бабушкиных сыновей!

У мамы была сестра Ксения 1917 года рождения, её муж Пётр Иванович Михайлов, 1922 года рождения. Они жили в Сухо-Ерше, в пятистах метрах от бабушки, на одной улице, в большом красивом доме и с красивыми воротами. Тётя Сина, как называли у нас Ксению, работала учительницей в школе, а дядя Петя был директором этой школы.

До войны двое сыновей бабушки (Иван и Сергей) тоже жили в Сухо-Ерше с детьми. А третий сын Александр (1911—1942) жил в деревне Николаевке, тоже с семьёй, был учителем, заведующим районо. Это был любимый в детстве мамин брат. Письма с фронта написаны его красивым почерком.

Пешком, иногда на лошади ездили в гости навещать друг друга. Четвёртый сын Пётр, 1920 года рождения, жил в Ленинграде, был военным, я у него впоследствии часто бывала. У него детей не было. Я была его любимицей, а его жена Александра Радионовна была одной из моих любимых тётей.

В Сибири тогда не голодали. Работали много, строились, учились, земля кормила хорошо. Всё было. И мясо, хлеб, овощи, грибы, ягоды, и молоко, и творог, и яйца, и масло сами

взбивали. Весной остатки картофеля (мешков по пять-шесть) отвозили в Канск на рынок.

Отмечали семейные праздники, и государственные, и колхозные. Бабушка была очень спокойная женщина. Умела готовить в русской печке очень вкусно. Во всём у неё порядок. Перед сном у неё молитвы в течение тридцати минут на коленях. Пела она красиво, но такие песни, которые нам тогда были непонятны.

Спиртного совсем немного употребляла, но только своё домашнее вино из ягод, и глотка три, и то так поморщится... Красивая тонкая коса вокруг головы, чепчик обязательно и поверх — белый платок. Юбка чёрная в сборку до пола и кофта со множеством в ряд пуговиц, чистый передник. Какая обувь — не помню. Всю жизнь свою носила крупные янтарные бусы. Дома в тапочках. Стройная, всё в меру. В церковь ходила за восемь километров, так как в Сухо-Ерше церкви не было, была в Александро-Ерше (другая деревня, более крупная).

Когда я впоследствии задаю себе вопрос, кого я больше люблю — бабушку или маму, — одинаково сильно люблю обеих. Это такое счастье, что у меня была бабушка, да ещё такая. Поэтому своих внуков я приучила называть меня бабушкой — это слишком дорого для меня.

Помню, как я задавала бабушке вопрос, уже будучи четырнадцатилетней девушкой, кем для неё был российский царь (она жила при царе). Отвечала: «При царе жилось хорошо! Мы молились за него». Я тогда ещё этого не понимала. В школе учили другому.

Дедушка Василий Демидович Нахаев. Всегда художавый, стройный, с усами. На окне лежала Библия 1905 года выпуска с буквой «ять». Библия эта потом попала ко мне, я её храню до сих пор. Помню, как он всегда её читал бабушке вслух. Сохранились все пометки и молитвы об ушедших на войну. Всегда разговоры о сыновьях, всегда ждали, что вот-вот они войдут в дом. Не верили, что они погибли.

На одного из сыновей пришла похоронка: без вести пропал в бою, где — неизвестно! Это всё. В последующие годы — гадание со слезами. Прошёл слух, что на А-Ерше, где церковь, мужчина ищет родителей. Дедушка на мотоцикле помчался с кем-то туда. А там никого. Из-за бутылки водки так обмануть старого человека!

Все деревенские любили наших стариков и всю нашу родню. Бабушке приводили детей, она умела заговаривать боль. Никогда никто не смел даже что-то за это дать, заплатить.

Она верила в Бога, Его силу, а не свою. Её ласково называли «Лисава». С дедушкой прожили в любви и согласии по девяносто лет, дедушка прожил девяносто один год (соответственно, годы жизни бабушки — 1888—1977; дедушки — 1888—1978).

Дедушка был на всех предыдущих войнах. Жил при Сталине. Был в колхозе. За слова: «Что-то не стал родиться хороший хлеб нонче», — отсидел восемь или одиннадцать лет — сколько точно, я не помню. Эта тема для нас, детей, была закрыта.

Во взрослой жизни я себе многого не могу простить. Не спросила, не записала рассказы старших. Думала, что ещё успеется, что мы будем все вместе жить бесконечно долго...

Чуть позже вернусь в деревню Сухо-Ерша, к своим дорогим людям, а сейчас снова я воспоминаниями в деревне Орловка.

Перед тем как родить меня, у мамы была тройня. Все три мальчика жили всего по несколько часов и умирали. Видимо, чтобы восполнить, по принципу: Бог любит тройцу, — а у мамы пока всего двое — дочь и сын, тройня не выжила, вот я и появилась на свет в 1948 году. Роды принимала старенькая бабушка. Хорошо приняла — я довольна.

Больше всего в детстве досталось возиться со мной моему брату Лёне. Помню, ему восемь лет, самый свободный, не занятый по хозяйству. На его шее прошло всё моё раннее детство. Лето, солнечный день. Я сижу на травке около крыльца своего дома, рядом стоит трактор. Брат даёт мне подшипник вместо игрушки. Я пытаюсь вытащить шарик. Знаю, что шарик там есть. Годика два мне было. Только это я и помню из орловской жизни — так врезалось в память.

Но когда мне исполнилось два с половиной года, папу перевели в деревню Николаевку начальником почты. И опять мы жили в доме, в котором находилась почта. Ничего не помню про этот период. Мама рассказывала, что я сильно простыла и долго болела.

Мама Анастасия Васильевна, мой брат Леонид, я — маленькая Рая Иванова, сестра Валентина Ершова. 1950-е годы

Помню, брат — ему уже десять лет, — посадит меня в кювет, чтобы я ни туда, ни сюда не выползла, даст совок, а сам гоняет мяч с мальчишками. Так и застудил меня. Большой нарыв оставил метку на всю жизнь. Всего-то в этой деревне я прожила полтора года.

Там же, в Николаевке, жили: вдова дяди Саши (маминого любимого брата, погибшего на фронте) тётя Надя и дети Тамара, Виктор, Дина. Мы все дружно жили. Я была младшей и красивой девочкой, так говорили все мои родственники, поэтому любовь и все нежные чувства доставались мне. Тётя Надя с детьми вскоре переедет в город Канск, но так и останется верной дяде Саше.

Дина и Тамара нашли могилу захоронения погибших солдат, и среди них — дяди Саши, под Ленинградом. На Синявских высотах в войну шли тяжёлые бои, там погибло много молодых мужчин. Сколько детей долго искали и не знали, где погибли их отцы.

Мои родные тоже делали запросы в разные инстанции — через Москву, Ленинград — и, наконец, нашли то место, где погиб и затем похоронен был мой дядя Саша. Повезли на это место тётю Надю. Нескончаемо лились слёзы. На этом месте теперь стоит стела с именами погибших, вписано на ней и имя Александра Васильевича Нахаева. Там рядом протекает родник.

...И уже теперь мой внук, четвероклассник Алексей, несёт портрет деда Саши на празднике 9 Мая в Красноярске, среди тысяч других красноярцев с портретами своих погибших родственников...

Как-то был уже в наши дни в «Красноярской газете» опубликован материал о событиях на Синявских высотах и о дяде Саше. Мы об этих трагических событиях, о погибших солдатах помним всегда. Приносим цветы к Вечному огню в Красноярске. Моя мама меня всегда просила испечь блины для поминок, напоминая, что сегодня день Саши, или Сергея, или Ивана.

А когда я первый раз привела к Вечному огню семью и внуков, стали раскладывать гвоздики, меня начало трясти, слёзы душили так, что пришлось уйти в машину. А ведь я их никогда не видела, и только память, постоянные рассказы о погибших, военные песни, вернее, песни о войне — и обязательно «Журавли», которую пел замечательный артист Марк Бернес.

...Продолжаю восстанавливать события по рассказам мамы о коротком периоде в деревне Николаевке. Это уже 1951 — 1954 годы.

Родители работали много. Огород большой, живность всякая, как и полагалось, заготовки на зиму. Покосы, сушили и гребли сено, заготавливали дрова, грибы, ягоды, пешком (восемь

километров) ходили к бабушке и дедушке в Сухо-Ершу в гости. Всем деревенским не отказывали в помощи, мои родители были очень добрыми. На почту приходили все со своим горем и радостями. Давали деньги под честное слово, не всегда была возможность записать в «книгу почтовую», кто отдаст долг, кто забудет.

Мой брат, уже подросток, из ящика деньги доставал прутиком (щель образовалась) и раздавал, по своей доброте, мальчишкам на конфеты. Продавщица жаловалась маме, что мальчишки гурьбой часто покупают «подушечки» (конфеты такие). И случилась у папы растрата. Папа непьющий, только по праздникам в меру (во время войны был ранен в область желудка). Пришлось в результате продать всё хозяйство и переехать на заработки в Красноярск. Мне тогда было всего четыре года.

Глава 2

*Красноярск. Енисей. Графитовая фабрика. Папа.
Госпиталь. Церковь*

В Красноярске, на правом берегу, требовались рабочие на графитовую фабрику.

...У железнодорожного моста, рядом на Енисее, грузовой порт, чуть дальше четвёртый лесозавод, огромная труба, которая будила в семь часов утра всё рабочее население. Песня «Пропел гудок заводской, конец рабочего дня». Это и есть «то самое».

Нас поселили в бараке, в одной комнате. Нас пять человек. Я помню, как подставляла табуретку, залазила на неё, чтобы закрыть или открыть толстый крючок. Рядом магазин, я люблю халву, так я просила: «Мне, пожалуйста, ховлы».

Лёня, мой брат, удалял мне расшатанный зуб так: привязывал нитку к зубу и дверной ручке и с обратной стороны дёргал за другую ручку двери. Думали, станет стоматологом.

Не было рядом учебных заведений, кроме школы.

Брат, когда вырос, работал шофёром, крановщиком (меня, маленькую, заставлял забираться на высокую стрелу) и до самой пенсии проработал на заводе цветных металлов — был старшим в секретном цехе.

Это он и его бригада выбрали Владимира Гулидова, способствовали стать директором завода. Мне потом сам Гулидов тоже говорил об этом.

Моя сестра, Валентина Ершова, не знаю где уже работала в это время. Но в ранние годы закончила «Лесную школу» в Канске.

На заводе у Гулидова выращивала овощи в теплицах для рабочих и цветы. Работала также в городском парке имени Горького на левом берегу, была ответственной на выставке цветов на острове Отдыха. Была народным заседателем в суде много лет, а также работала в исполкоме на улице Вавилова, где и проживала последние свои годы. В молодости она жила на Амуре. Детей не было.

На границе с Китаем погиб её муж при исполнении служебных обязанностей, и всю оставшуюся жизнь она жила затем одна уже в Красноярске. Много читала книг из серии «Жизнь замечательных людей» («ЖЗЛ»), исторические книги, цитировала А. С. Пушкина. Знала всю династию царей Романовых, для меня составляла конспекты этих книг, потому что знала, что мне «Историю государства Российского» Соловьёва и Карамзина не прочитать. Вела дневники и оставила нам много тетрадей о травах и их пользе, а также историй о нашей родне.

С моим любимым братом Лёней (1940—2006) они каждый прожили всего по шестьдесят пять лет (был сахарный диабет у обоих в тяжёлой форме). За обоими ухаживали я и вся семья. Я их и хоронила, и продолжаю ухаживать за могилками. У меня там порядок, я еду к ним как на свидание, и мама рядом. А сейчас я снова в своём рассказе возвращаюсь в детство.

...Рядом с баракom построили двухэтажный кирпичный дом белого цвета, с двумя подъездами. Нам дали одну комнату с общей кухней. Жили три семьи, у всех по комнате. Туалет — уборная на улице, воду носили из колонки, а горячую — из трубы на улице, труба была выведена из дома. Отопление было.

Очень хорошо помню соседей. Мама однажды заболела, так они все помогали стирать мне школьную форму. Все праздники отмечали вместе. Они пили брагу собственного приготовления, сравнивали, чья лучше, но, мне кажется, говорили, что по одному рецепту.

Пели застольные песни: «Стаканчики гранёные упали со стола...», «Ой рябина кудрявая, белые цветы...», «На Муромской дорожке стояли три сосны...». Много песен пели на тему войны: «Бьётся в тесной печурке огонь...», «Огонёк» («На позицию девушка провожала бойца...»). Мы подрастали и эти песни тоже пели.

Мой дядя, который жил в Ленинграде, обладая красивым баритоном, как запоёт: «О, дайте, дайте мне свободу», — арию из известной оперы Бородина «Князь Игорь». Многие удивлялись, почему он не поёт в опере.

Все соседи работали на графитовой фабрике, ходили чёрные от пыли, как негры. Мы ходили в баню. Если были заняты родители, то соседи брали меня с собой. Там была газ-вода без сиропа — наш любимый напиток.

Рядом с домом был клуб. Кино, танцы для взрослых. Отчётливо помню, как у сваленной в кучу одежды караулила пальто одного молодого человека — Василия. Тайно была влюблена. Мне было лет шесть, а ему — семнадцать-восемнадцать. Но это — любовь-фантазия, в мыслях.

Вспоминается, как бегали по крыше дома, который был под снос, и я нашла бронзовую, сантиметров пятнадцати, фигурку Будды. Как же я играла с ней, заворачивала в пелёнки. Может, это был монгольский солдат в остроконечном шлеме, но сидел он, как известный божок.

Куклы любила так, что готова была всегда поцарапать спинку брату, так как он за это обещал большую куклу, но... где взять и куклу, и деньги?

Сестра Валя жила уже в Благовещенске и однажды, приехав в гости, привезла кучу игрушек: лебедей маленьких, рыбок, кубики, калейдоскоп и маленький бюст куклы. Мама сделала и пришила туловище, вшила резиновую лягушку, так что она у меня пищала.

В комнате был уголок сантиметров сорок-пятьдесят — это была комната куклы. И всё было как у взрослых: я мыла там носовым платком пол. Я всегда умела себя занять.

Летом все дети улицы Графитовой, да и взрослые, отдыхали и спали в «сарайках». Причём старались поддерживать порядок и чистоту. У меня сохранилось фото (у брата был фотоаппарат).

...Я сплю днём в стайке под одеялом. Папа был уже комендантом на фабрике, так что организовывал детей убирать свой двор и площадь у сараев, выстроенных в один ряд.

С подружками ходила стирать свои ленточки и платочки на Енисей — конечно, с тазиком, стиральной доской и куском хозяйственного мыла. Как же мы любили делать это и сушить бельё на солнце, подражая взрослым! Бегать по скользким банам (несколько брёвен, соединённых скобами, — так сплавляли по реке лес).

А купаться в Енисее! Весело, дружно, азартно! У нас были коза и поросёнок. Пили козье молочко и ели сало. Всегда был маленький огородик. Я помню, был участок дороги, и мама выкапывала бульжники, в мешках носила землю с китайских брошенных огородов и делала грядки. В стайке стояла зимой бочка с

квашеной капустой. Солёные огурцы покупали на рынке. Всегда просила купить огурчик, аж слюнки текли! Мама покупала.

На пароходе до Балахты плавали вместе со взрослыми сажать картофель. Это был для детей праздник. Ждали осени, когда поплывём выкапывать. Близкие друзья помогали докапывать друг другу участок. Потом ждали погрузку... Был костёр, ужин. Взрослые выпивали, пекли на костре картошку и, счастливые, засыпали на пароходе. Утром причаливали в порту.

На Пасху красили яйца, пекли пасочки. Это был воскресный день, праздник, не работали. Дети выбегали с яйцами, красивыми сахарными петушками. Яйцами стучались, у кого разбивались — разбитые забирали себе. Некоторые ребята подставляли деревянное яйцо. Шутки, смех, хорошая погода. Играли в лапту, в городки, в футбол, в садовника, в испорченный телефон. А ещё в подъезде дома в почтальона играли. Все четыре угла заняты, по центру почтальон. Пока он читает, кому письмо, по углам перебегают, меняются местами, и, если почтальон успеет занять место, кто не успел перебежать, тот становится почтальоном. Или так можно было играть в садовника: «Я садовником родился, не на шутку рассердился, все цветы мне надоели, кроме розы...»

Считаю, что детство было счастливым. Горевали, когда приезжали собачники (на машинах, с будками, с палками с петлёй на конце) и отлавливали дворовых собак на мыло. Мы, дети, тяжело переживали и прятали нашу любимую Дамку и других собак. Собаки, кошки были друзьями и бегали с нами, за нами — было смешно...

...Папа, Прокопий Михайлович, на войне был ранен, лежал часто в госпитале на проспекте Сталина, теперь проспект Мира. Мы с мамой ходили зимой пешком (тогда Енисей замерзал) через реку на левый берег к папе в госпиталь. Папа приходил в холл, мы обнимались, он брал меня на колени, и тихо велась беседа. Иногда я засыпала от усталости и мороза.

Дальше мы шли к «Детскому миру», где было очень много игрушек. Куклы, звери, ридикюльчики, велосипедики...

А сейчас, через много лет, своего внука приведу, и — о ужас — всё стреляет, всё на батарейках, всё для войны, хоть и детской, но не мирного характера игрушки и игры — ружья да пистолеты. Я в такой «Детский мир» ходить не хочу.

Заканчивалось наше путешествие пешком у церкви на улице Сурикова. И это только один конец, обратно — такой же путь до железнодорожного вокзала, и там дорога через Енисей. В церкви красиво, тепло, свечи горят; если было где присесть,

то благодать. Здесь мы отдыхали. Мама ставила свечи, молилась (я не умела, и не заставляли). Иногда причащались. Выстраивается очередь, подходят к служащему, и из общей чаши маленькой ложечкой давали кагор — вино церковное...

...А сейчас, во взрослой жизни, через много-много лет, я живу рядом с этим храмом! Всё не так просто, как кажется, в этой жизни. Ведь в этой церкви на улице Сурикова в шестидесятые или семидесятые годы были скульптурные мастерские. Всё было внутри разрушено, было грязно. Я заходила туда и рассматривала стены. А ведь мама любила бывать в церкви. Слава Богу! Теперь всё как прежде!

Глава 3

*Начальная школа № 4. Папа. Витебск. Четвёртый лесозавод.
Запуск первого спутника Земли. Интернат № 3. Подруги.
Дом Воицковых. Сталин. Хрущёв. Медицинское училище*

В начальную школу № 4 я пошла в 1955 году, уже при Никите Сергеевиче Хрущёве.

Хорошо помню мою первую учительницу, Клавдию Петровну Богомолу. Спокойная, лет сорока, симпатичная, чёрные волосы, худенькая — любимая учительница. Она жила через дорогу от школы, на улице Семафорной. (Во взрослой жизни, когда я работала на телевидении диктором, пыталась свою учительницу найти, хоть и совсем старенькой. Но — увы!) Школа была хорошая, умный директор Ф. И. Румянцев. Его дочь Люда училась в нашем классе. Я арифметику плохо понимала, не мои предметы — точные науки. С остальными, гуманитарными, предметами было «хорошо» и «отлично».

...Помню, чертили во дворе школы на земле классики — десять квадратов. На Енисее находили шлифованные плоские каменные плиточки, да ещё разного цвета, и играли в классики на переменке. В первый квадрат бросаю плитку и, прыгая на одной ноге, продвигаю по всем клеткам. Стараешься как можно больше пропрыгать классиков. Если сбиваешься, то остаёшься, например, в пятом классе и уступаешь другой девочке место. На перемене сломя голову бежали продолжить игру.

Ходили в соседний клуб на хор — петь любила всегда. Была запевалой в хоре. Не могу забыть, как нас принимали в пионеры. Красный галстук мне повязывала Люся Старцева. Она училась уже в четвёртом классе, была моей соседкой по

дому. Хорошо дружили. Потом разные школы, переезды, и больше мы не виделись.

В четвёртом классе я влюбилась в брата моего одноклассника. Он учился в третьем классе. Светленький, симпатичный. Дорога к дому одна, я впереди, а они за мной. Вот и вся любовь. Но я помню, как ночью в подушку вздыхала. Первое чувство запомнилось.

Заканчивая начальную школу, я пережила со своей семьёй большую драму. Папа, съездив в Белоруссию, в Витебск, к племяннику (похожи друг на друга один в один), решил оставить нас и переехать в Витебск к другой женщине. У неё детей не было. Всё случилось неожиданно. Но папа погуливал по месту жительства, по ночам с мамой у них были ссоры.

Позже мама мне расскажет о многом, чего я маленькая не могла понимать. Одним словом — предательство! Маме пятьдесят лет (меня она родила в сорок лет), работает на четвёртом лесозаводе. Цех, в котором огромной палкой нужно было направлять стружку в большую ёмкость, чтобы сформировался огромный тюк, — и так целый рабочий день.

А дома? Маленький огородик и я. Мне одиннадцатый годик, а брат с сестрой уже живут отдельно. Поправляю: брат в армии, служит во Владивостоке. Отца мы любили, я бегала за ним. У нас, детей, никогда не было причин обижаться на папу. Ему чаще приходилось дома готовить пищу, так как, работая комендантом, он был более свободен, чем мама. Дом был неблагоустроен. Всё на улице: вода, дрова, магазины далеко. И пришла пора — меня нужно было переводить в другую среднюю школу, на станцию Енисей.

За железнодорожными путями были две школы:

Мой папа Прокопий Михайлович Иванов

№ 19 и № 62. До виадука (переходный мост) было далеко идти, дети перебегали пути, а движение поездов нескончаемо. Были случаи — и дети, и взрослые погибали. Не могу забыть, как папа перед сном выводил в туалет и мы по двору гуляли.

Однажды увидели плывущую звёздочку на небе. Это был 1957 год — год запуска первого искусственного спутника Земли, четвёртое октября. Долго стояли и смотрели, кто-то ещё подошёл. Так удивлялись! Слышали новость по радио (телевизоров ещё не было). И вдруг — видим на небе движущийся спутник. Другие звёзды блестели на месте, а эта звёздочка медленно плыла. Память зафиксировала. Никогда ни за что папа меня не ругал. Я росла спокойной и послушной. Но он меня готовил к своему отъезду. Говорил, что будет мне писать, присылать подарки, и как подрасту, к нему приеду в Витебск.

Так всё и было. Папа уехал от семьи в Витебск. В пятнадцать лет я поеду к нему в гости. Но тогда я ещё не понимала той беды и каково жить без отца, ждать его письма. Как маме было тяжело! Очень тяжело вспоминать, бегут слёзы. Теперь, когда я сама мама, ни одним сантиметром своего тела и сердца не могу понять, принять такого предательства.

...А события с отъездом папы складывались так. Я сижу с отцом на чемодане, ждём маму с работы. Вечер. Мамочка мне рассказывала, что почувствовала беду, вступив на крыльцо. На скамейке сидели соседи, ещё никто ничего не знал. Кто-то как будто бы сильно укусил маму в лоб. Она схватилась за голову и быстро вошла в подъезд. Это была вошь... Всегда чистенькая, причёсанная, коса на затылке, поддерживаемая гребёнкой, опрятно, по-простому одетая, она поняла: что-то случилось. Да и интуиция что-то подсказывала.

Мама видела, что последнее время после отпуска папа суетился. Он как-то брал меня с собой на станцию Красноярск, договаривался по поводу билета со знакомыми. Это я помню. Что-то говорил, обещал нас всех потом забрать...

Потом я плакала и бежала за машиной, которая его увозила на станцию, он не оглядывался. А мама бежала за мной через дворовое футбольное поле, чтобы остановить меня. Мы с ней обнялись, кто-то из соседей подбежал, стал успокаивать, мама старалась держаться.

Года три-четыре все мы ждали, что папа вернётся, мама страдала, и я с ней. Не вернулся. Мне писал письма, и шли редко посылки. Надо же было там ему устраиваться...

Иногда приходили вещи, которые не подходили, все на вырост, а надо было бы по росту, чтобы носить сейчас. Переписывались постоянно, он тоже скучал, но слишком большое расстояние: Сибирь — Белоруссия.

(...Когда-то, позже, я буду у него жить в Витебске, учиться в девятом и десятом классах. Приедет его навестить брат с семьёй. Как бы связь и не прерывалась, но мама так и не вышла больше замуж. Она будет жить восемьдесят четыре года рядом со своими хорошими детьми.)

...Из Ленинграда мамин брат, Пётр Васильевич, мой любимый дядя, напишет маме, что открываются школы-интернаты для детей, у кого нет одного из родителей или чьи родители уезжают за границу строить, например, Суэцкий канал (так было с нашим интернатом № 3 на улице Вавилова, на правом берегу).

Меня приняли в этот интернат. Классный руководитель у меня была Зинаида Николаевна Евдокимова. Она пережила блокаду в Ленинграде. Умная, с педагогическим образованием, нас любила, как родных детей. Своих у неё было двое. Пятые, шестые, седьмые, восьмые классы — это мои самые лучшие годы, школьные годы. Школа была восьмилетней, класс дружный, девочки все пели хорошо. Мальчики менее активны. В интернате мы жили и учились неделю, а на выходные нас забирали домой родные.

Одевали с ног до головы. Мама платила за месяц рублей четырнадцать или даже меньше. Это были 1959 — 1962 годы. Кормили хорошо.

Нам всё нравилось. Пионервожатой была Роза Семёновна Яркова. Молодая ещё совсем, но с низким голосом, властная в хорошем смысле. Пионерская дружина жила весело и интересно. Роза Семёновна будет работать в школе до шестидесяти восьми лет, станет директором, но уже детского дома. Мы будем навещать наш интернат, встречаться с учителями. Роза Семёновна всегда нас будет приглашать. А мы, девочки нашего класса, теперь уже и сами бабушки, будем встречаться вне школы с Розой Семёновной. Своих детей у неё нет.

В своём классе мы с девчонками организовывали театр кукол, сделали сами программу русских народных песен «За околицей», знаменитый танец «Берёзка», танцевали в ДК, теперь театр юного зрителя. Сами шили на уроках домоводства из простыней платья, а из марли шарфы. Крахмалили и в танце подкидывали вверх. Все сами, без руководителя, поставили спектакль «Барабанщица» по пьесе Салынского. Самого текста этой пьесы

у нас не было. А кто что запомнил со спектакля в театре имени Пушкина, этим и пользовались, распределяли роли и тексты.

Смешно, конечно, но мы показывали всё на школьной сцене. Жили весело, не скучали. Учителя нас любили. Моими подругами были Шура Костьянова и Таня Вощикова — сестра артиста Красноярского драматического театра имени Пушкина Константина Алексеевича Вощикова. Поэтому в театре мы часто бывали.

В пьесе «Барбанщица» я играла не главную роль, но одну из ведущих. Пьеса про войну.

(...Мы, трое подруг, мечтали быть артистками. Но так получилось по жизни, что диплом актрисы получила только я. Шура стала воспитателем детского сада, родила двоих сыновей, а Таня окончила педагогический институт в Красноярске и преподавала русский язык и литературу. Видимся до сих пор.

Но я уезжала в Белоруссию, начинала учиться там в театральном институте. Потом, уже позже, работала на телевидении, и, видимо, «зависть» сыграла свою роль. По жизни мы близкими подругами уже так и не стали. И только Шура, а не Таня, сказала, что «ты единственная стала знаменитой в крае». Таня никогда не сказала, что рада за меня, не прислала ни одной открытки ни домой, ни на телевидение, где я много лет проработала диктором.)

...Вместе с тем я очень благодарна судьбе и Тане, что была знакома с К. А. Вощиковым. Часто ночевала в выходные дни у Тани дома. Её мама, тётя Надя, любила меня. А дом их,

Мама Анастасия Васильевна и сестра Валентина. Деревня Орловка Дзержинского района Красноярского края

двухэтажный, с крутой лестницей, стоял на месте теперешнего Дома быта, что на проспекте Мира.

На мой день рождения тётя Надя однажды приедет к нам с мамой и подарит картину Левитана «Март». Весенний день, лошадь с санями стоит у крыльца дома. Картина нам нравилась и всегда висела на видном месте. Перед смертью Надежда Михайловна напишет мне письмо на мамин адрес, а я жила в другом городе.

...Недавно мы с Таней встретились в поликлинике при краевой больнице № 2 и хорошо поговорили. Я сказала, что должна съездить на могилу её мамы. Это обязательно сделаю. У Тани в личной жизни сложилось не всё удачно...

Возвращаюсь в интернат. Я была любимой ученицей Веры Михайловны Пакуловой. Она была учителем химии (не мой любимый предмет) и биологии. Биологию я любила. Однажды Вера Михайловна предложила провести урок биологии мне. И я провела. Поставила пятёрку хорошей девочке и парню четвёрку. Вера Михайловна потом подписала мне на память свою фотографию: «Любимой ученице...» — и смотрит на меня. А я говорю: «...от любимой учительницы». Фото я храню.

Вера Михайловна предложила мне стать секретарём комсомольской организации. Проголосовали все, конечно, я ничего в этом особо не соображала, но какая-то работа проходила. Помню, аккуратно собирала членские взносы по две копейки и сама относила их в райком комсомола.

Школа проводила военные игры на острове Отдыха. Помню, боялась, что меня вдруг убьют в игре, а Шура даже медаль бумажную получила «За отвагу».

В школе было чисто, мы сами натирали паркет до блеска. В общегитии я была главным санитаром. Перед сном ходили с комиссией по палатам и ваткой белой проверяли пыль. Заодно передавали записки-письма (уже были седьмой-восьмой классы) от девочек нашим мальчикам и ребятам из других классов. Почта работала.

Мне сильно нравился Коля Ольбиков из восьмого класса, а я нравилась многим другим. Во взрослой жизни Николай женился на однокласснице, очень хорошей девочке, но пил и закончил свою жизнь плохо. Моя дружба с ним не состоялась, но попытки с его стороны были. Меня сам Бог сберегал от таких ребят. А в школе он был интересным и учился хорошо. Так получалось, что кому я сильно нравилась, эти парни меня не волновали.

В 1959 году в Красноярск приезжал Никита Сергеевич Хрущёв, встречали его на заводе «Сибтяжмаш». Несколько детей из

интерната, и я в том числе, вручали ему цветы. Мне он показался очень толстым, загорелым (до приезда в Красноярск он был в Африке), и всё лицо и голова в родинках, но добрый, улыбался.

Когда было решение вынести Сталина из Мавзолея, мы, девочки в общежитии (наш класс), были возмущены и пытались написать письмо в Москву. Сталин был любим и нами, и взрослыми. Это были яркие воспоминания.

Ещё одно событие запомнилось на всю жизнь. У моей Шуры был когда-то аппендицит (ей его удалили). Чтобы доказать, что мы можем стать артистками, наиграли заболевших, в кабинете медсестры по одной (а всего нас было четверо) нагнали в градуснике ртуть до тридцати восьми градусов (медицинскую сестру отправили к телефону, будто ей звонят). Сказали ей, что ели семечки с шелухой и тому подобное.

Она вызывает скорую, и увозят в сибтяжмашевскую больницу двоих (Шура и Таня не участвовали: у Шуры аппендикс уже был удалён, а Таня испугалась). Через сутки увозят меня и ещё одну девочку. Когда меня ввели в палату, я увидела, что в коридоре лежала на кровати Алла после операции, и её рвало. Я испугалась, но держалась до конца. От волнения у меня действительно поднялась температура. На следующее утро — нет, был вечер, меня повезли в операционную, я забыла, что надо притворяться больной, уже осмелела, врач говорит: «Приступ прошёл. Может, понаблюдаем?» Вот, думаю, будет позор, и артисткой не стану. Говорю: «Болит и в левом, и в правом боку». Прооперировали. Делали под местным, боль чувствовалась, но терпимо. Я просила показать аппендикс. Хирург держит пинцетом и показывает на маленькое утолщение, причём твёрдое. Видимо, с кашей или водой попал маленький камушек. То есть когда-то бы это воспалилось. Всех в больнице удивляло, что мы из одного класса.

Мы одно твердили: что ели семечки с шелухой, соревновались, кто больше съест. Утром была сильная тошнота, под окном стояла мама и плакала. Мне было и больно, и стыдно. В классе все четверо были героями. Через много лет мы рассказали правду только своей любимой воспитательнице Зинаиде Николаевне, когда я была у неё в гостях в Ленинграде. Последние свои годы она жила там, и мы с ней переписывались. На это она сказала: «Никто не сомневался в правде». Мы сыграли хорошо. Просили нас простить. Она нас любила такими. Мы больше радовали хорошими делами.

В те годы в театре имени Пушкина работал друг Воицкого В. Мерецкий — блестящий артист. В первой музыкальной школе

на улице Сурикова они вели театральную студию при театре. Мы надоедали Вошкикову тем, что хотим быть артистками. Константин Алексеевич решил проверить, на что мы способны с Таней. И вот он и Мерецкий, заслуженный артист, слушают нас (мы заканчивали восьмой класс). Читали басню и стихи, делаем этюды. Виктор Борисович говорит: «Рае можно подумать о театре, а тебе, Таня, играть трагести быстро надоест» (трагести — девочек и мальчиков играть).

Таня маленького роста и лицом не удалась. Опять обиды, ревность. Да ещё я за сочинение в восьмом классе получила «пять», а Таня «четыре». Но Таня в процессе учёбы лучше меня шла по литературе. Она была потом хорошим педагогом, да и сейчас подрабатывает. Ведь нам уже по шестьдесят восемь лет. Тогда меня это окрылило. Заканчивали восемь классов хорошо.

Куда поступать? Студию пока закрыли. Был пожар в музыкальной школе. Театральной академии ещё не было. Я и Шура поступали в медицинское училище при краевой больнице. Я работаю (это практика) в урологическом отделении. Мне всё нравится. В меня, санитарочку, влюбляются и взрослые, и юноши. У меня чистые палаты, тумбочки, ждут моего дежурства больные, вовремя меняю грязное бельё. Появилась подруга по училищу и навсегда Мара Абдрафикова. Её мама жила на улице Лебедевой, а я на станции Енисей. Мы пропадали у них все выходные. Было пианино, Мара играла. Замечательные родители, тётя Соня баловала нас.

Школа-интернат № 3 находится на улице Академика Вавилова. Со временем школа была переименована в детский дом. И теперь в нём живут дети, у которых совсем нет родителей либо государство лишило их материнства. Но нас, выпускников, по-прежнему приглашают на праздники школы. Мы рассказываем о себе, семьях. Уже нет наших учителей и воспитателей. Сократили площади, забрали здание школы, детей школьного возраста возят на учёбу в другие школы. Живут в здании нашего общежития. На стене в комнате отдыха висят фотографии лучших выпускников, есть и моя: Раиса Расюлене, диктор краевого телевидения.

Детей разделили на «семьи». В каждой «семье» — несколько человек и воспитатель («мама»). Я подарила школе кухонный гарнитур в хорошем состоянии, муж отдал из натурального дерева стенку, книги и несколько картин, написанных им. Я прихожу по приглашению в детский дом и занимаюсь с детьми речевым этикетом. Им этого очень не хватает. Учим скороговорки, делаем речевые разминки, читаем стихи, рассказываю о телевидении и что-нибудь интересное из нашей интернатской жизни.

Старшие школьники малоактивны, а младшие рвутся в бой. Воспитатели заслуживают любви, уважения и высоких зарплат. Я всегда ухожу расстроенная, но отдавшая часть своего тепла. Букетик цветов я получаю от них с искренней улыбкой. На одной из последних встреч в 2016 году ко мне подошёл малыш и сказал: «Как это вы бабушка (я рассказывала о своих внуках), если вы такая молодая (мне шестьдесят восемь)?» Мне стало так хорошо! Я его обняла и ответила: «Принимаю настоящий комплимент от настоящего мужчины».

Побывала в одной «семье», пили чай с тортом, вели беседу на разные темы. Понравились подростки, красивые и с хорошей жизненной позицией. В 2016 году их выпустили в свободное плавание. Своего воспитателя воспринимали как родную маму. У Эдуарда Асадова, поэта, есть такие строчки:

Детство окончилось, отмечалось...
Мчались года с быстротой стрижей,
И вот, к удивлению, оказалось,
Что «Доброе царство» не потерялось,
А стало лишь строже да чуть мудрей...

В общем, длилось это всё четыре года (учёба в интернате). Потом я уеду к папе в гости, останусь заканчивать девятый и десятый классы, поступлю в Минский театральный институт на актёрский факультет. К этому периоду я вернусь чуть позже.

Продолжение следует